

Пьер-Ив Борепер*

АНТИКВАРНОЕ «ХОББИ» ФРАНЦУЗСКИХ КОНСУЛОВ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

«Когда весной 1843 г. г-н Ботта отправился в Мосул, он был преисполнен решимости употребить свободное от исполнения консульских обязанностей время для проведения раскопок в Ниневии, развалины которой находятся рядом с Мосулом, по другую сторону Тигра»¹.

Автор статьи анализирует деятельность французских консулов в странах Средиземноморья XIX в. по изучению исторического наследия исчезнувших цивилизаций Древнего мира. Обладая определенным достатком и досугом французские дипломаты посвящали свое свободное время сбору и исследованию древностей, став зачинателями археологического изучения памятников старины в целом ряде стран данного региона. Особое внимание автор уделяет научной и коллекционерской деятельности Луи Франсуа Себастьяна Фовеля и Поля Эмиля Ботта, внесшими важный вклад в изучение соответственно Древней Греции и Древней Ассирии.

Ключевые слова: Франция, история дипломатии, Средиземное море, Древний Восток, археология, ассириология

Французский вице-консул в Афинах Фовель: архетип консула-антиквара

Конечно же, консул Нового времени не всегда похож на литературного персонажа вроде г-на де Майе² из романа Жана Кристофа Руфина «Абиссинец»³, но он, несомненно, интересная, с точки зрения истории культуры, фигура. «Абиссинец» начинается со

---

* *Пьер-Ив Борепер, профессор истории Университета Ниццы (Франция).*

¹ 12 juin 1845 // *Lettres de M. Botta sur ses découvertes à Khorsabad près de Ninive* publiées par M. J. Mohl, membre de l'Institut / Préface de Jules Mohl. P., 1845. P. VII.

² Бенуа де Майе – французский консул в Египте и инспектор Французских владений в Леванте при Людовике XIV. – *Прим. пер.*

³ *Rufin J.-Ch. L'Abyssin. Relation des extraordinaires voyages de Jean-Baptiste Poncet, ambassadeur du Négus auprès de Sa Majesté Louis XIV.* P., 1997 [Folio].

сцены, в которой консул Франции в Каире сетует, что копия портрета Людовика XIV, оригинал которого принадлежит кисти Гиацинта Риго, испортилась под воздействием средиземноморского климата. Он распоряжается вызвать мэтра Жюреми, «обосновавшегося во франкской⁴ колонии аптекаря, слывшего умельцем по части реставрации поврежденных климатом полотен»⁵, чтобы тот спас лик короля-солнца. Будучи гугенотом, Жюреми ненавидит Людовика XIV и его драгонады, но боится репрессий со стороны консула, если вдруг операция по спасению окончится неудачей. Благодаря своему писательскому таланту Жан Кристоф Руфин, который спустя десять лет после выхода романа сам будет назначен французским послом в Сенегале⁶, сумел достаточно точно воссоздать портрет консула в качестве представителя короля и предводителя соотечественников за рубежом. А вот активное участие многих консулов в культурных, художественных и археологических предприятиях XVIII-XIX вв. пока не получило в историографии должного освещения, несмотря на наблюдаемый в последние, по меньшей мере, два десятилетия рост интереса к данной тематике, во всяком случае - к сюжетам, связанным с консульской карьерой и атрибутикой. Тем актуальнее коллективный труд под редакцией Йорга Ульберга и Лукиана Прижака «Консулы и консульские службы в XIX веке», куда вошли обзорная статья Андре-Дориса Мейера под названием «Консульская служба и археология»⁷, а также биографическое исследование «Луи Франсуа Себастьян Фовель - консул-антиквар (1753-1838)», выполненное Алессией Замбон⁸. Последняя опирается не только на обширную старую библиографию, превратившую Фовеля в архетип консула-антиквара, но и дополняет ее, вводя в оборот новые источники. Именно потому, что Фовель олицетворяет собой архетип консула-антиквара: он станет отправной точкой для тех размышлений, которые я предлагаю вниманию читателей.

И Андре-Дорис Мейер, и Алессия Замбон являются историками искусства, а потому их подход предполагает акцент на «анти-

⁴ Здесь: европейской (употр. на Ближнем Востоке). – *Прим. пер.*

⁵ *Ibid.* P. 12.

⁶ Жан Кристоф Руфин, член Французской академии, первоначально был врачом. Он прославился своим активным участием в деятельности международных гуманитарных организаций, сначала «Врачи без границ», затем «Действия против голода».

⁷ *Meyer A.-D. Service consulaire et archéologie // Consuls et services consulaires au XIXe siècle. Consulship in the 19th Century. Die Welt der Konsulate im 19. Jahrhundert / Hg. J. Ulbert, L. Prijac. Hamburg, 2010. P. 36-46.*

⁸ *Zambon A. Louis François Sébastien Fauvel, le consul antiquaire (1753-1838) // Consuls et services consulaires. P. 139-156.*

кварной» проблематике. Особенно явно это чувствуется в недавно опубликованной превосходной диссертации Замбон под названием «К истокам археологии в Греции: Фовель и его метод»⁹, некоторые из результатов которой изложены в вышеупомянутой статье. В книге использована классическая для искусствovedения схема биографического анализа: этапы жизни, этапы творчества. Жизни исследуемого персонажа посвящена глава «Фовель и его время» на двадцати восьми страницах, примерно десять из которых занимает раздел «Фовель - вице-консул», ставшей своеобразной прелюдией к собственно теме диссертации – изложению и анализу метода Фовеля. Показательно начало этой главы: «Прежде чем приступить к делу и показать, в чем состоял *modus operandi* Фовеля, нужно сначала представить этого деятеля, поместить его в контекст эпохи, в окружение современников»¹⁰. Далее следует рассказ о деятельности Фовеля - ему Замбон посвящает около двухсот пятидесяти страниц. В этой увлекательной книге собственно консульская деятельность Фовеля является, по сути, фоном, на котором разворачиваются антикварные увлечения основателя современной археологии в Греции. Впрочем, выбор такого ракурса обусловлен и свидетельством самого Фовеля, который признается в одном из писем 1809 г., адресованном двум друзьям детства:

Самый счастливый из нас троих - не я. Я - господин консул в земле варваров, у которого нет ни единого друга среди французских подданных в этой стране - людей корыстных и завидующих своему предводителю. Афины для консула уже не имеют той притягательности, какую они имели для литейщика, архитектора, географа, художника: мне довелось заниматься всем этим. А теперь я нередко принужден быть только господином консулом¹¹.

Использование своего положения

Вот уже несколько лет, как мы с коллегой Сильвией Мардзагалли занимаемся научным изданием переписки консула Швеции в Марселе. По ходу дела к нам присоединились также Густаф Фриксен и Фредрик Томассон¹². Между тем, параллельно читая переписку Фовеля, я с удивлением обнаружил, что запрашивающееся,

⁹ Zambon A. Aux origines de l'archéologie en Grèce. Fauvel et sa méthode. P., 2014.

¹⁰ Ibid. P. 27.

¹¹ Zambon A. Louis François Sébastien Fauvel. P. 148.

¹² Un consul suédois en Méditerranée. La correspondance de François Philip Fölsch, consul à Marseille (1780-1804) / Sous dir. de P.-Y. Beaurepaire, G. Fryksén, S. Marzagalli, F. Thomasson. P., 2017.

на первый взгляд, противопоставление фигуры праздного консула образу консула, всецело занятого защитой интересов своего государства и соотечественников за рубежом, не выдерживает критики.

Прежде всего, хорошо известна риторика, встречающаяся в консульской переписке, когда чиновник утверждает, будто ему нечего сообщить чего-то такого, что могло бы заинтересовать начальство. Именно так из раза в раз начинает свои донесения шведский консул в Марселе Франсуа Филип Фёльш (1755-1832) - притом, что функционирование большого средиземноморского порта не идет ни в какое сравнение с укладом жизни в Афинах, где начиная с 1802 г. пост вице-консула занимает Фовель!¹³ В отличие от Фёльша, который нередко ограничивается отписками типа: «За отсутствием в последнее время каких-либо новостей от консулов Его Величества в варварских странах и за неимением заслуживающих внимания Вашего Превосходительства известий, ограничусь нижайшей просьбой принять уверения в моем глубочайшем почтении»¹⁴, Фовель более обстоятелен. Он, в частности, пишет: «Прошу Ваше Превосходительство отнести редкость моих писем лишь на счет состояния абсолютного забвения, в котором пребывали и по-прежнему пребывают Афины, что связано с их местоположением вдали от военных маршрутов, а также с тем, что афинский порт находится в глубине залива, куда корабли без особой надобности не заходят»¹⁵. Как видим, в заявлениях консулов много общего. Стоит ли, в таком случае, спешить с противопоставлением консула, обремененного многочисленными консульскими обязанностями (в данном случае, это Фёльш), и вице-консула, чей пост можно было бы даже назвать синекурой (таким, как Фовель)? Точно так же, если Фёльш считает, что важность занимаемой им должности оправдывает продвижение его на пост генерального консула, чья власть распространяется на весь Прованс и Лангедок, а именно - на пост в Сете, то Фовель, со своей стороны, страдает от того, что он всего лишь вице-консул. Ведь это снижает его вес перед лицом местных властей, в глазах проживающих в стране со-

¹³ А. Замбон приводит письмо от 10 ноября 1810 г., в котором Фовель сообщает, что с 1803 г. в порт Пирей не заходил ни один французский корабль. – *Zambon A. Louis François Sébastien Fauvel*. P. 149.

¹⁴ Среди многочисленных примеров см., например: *Riksarkivet (Stockholm). Diplomatica. Gallica 511*. Письмо от 3 сентября 1781 г.

¹⁵ Письмо Талейрану от 26 декабря 1807 г. цит. по: *Zambon A. Louis François Sébastien Fauvel*. P. 150.

отечественников, чьим предводителем он по идее должен являться, и к тому же негативно сказывается на отношениях с другими консулами. Вот что он пишет по этому поводу 16 ноября 1824 г. министру иностранных дел Шатобриану:

«Не могло бы оно [Ваше Превосходительство] избавить меня от приставки “вице”, которая висит на мне вот уже 20 лет, и возвести, наконец, Афины в ранг консульства: голландцы имеют здесь консула, а французы - всего лишь вице-консула, что наносит вред уважению, превосходству, которое мы должны иметь в Турции, а эти иностранные консулы - бывшие корсары, врачи».

После чего переходит к классической просьбе об увеличении содержания и денежных выплат:

«Жалованье консула возместило бы мне понесенные убытки. Я думаю, Монсеньор, что 20 лет проживания в стране – достаточное основание для того, чтобы надеяться на увеличение содержания. Мне 70 лет, и я ничего не скопил. Я самый старый из моих коллег, но также самый бедный. <...> Вот мои мысли, у меня даже есть кое-какие долги, для погашения которых недостаточны те две тысячи фр[анков], которые выделяет мне правительство»¹⁶.

Тон Фёльша, еще молодого по меркам консульской карьеры, совсем другой, но цель та же - получить признание, подкрепленное усилением его влияния как в стране пребывания, так и в метрополии, а также увеличением доходов либо возмещением расходов:

«Выражая самую почтительную уверенность в благорасположении и справедливости Вашего Превосходительства, осмелюсь заметить ему, что в силу местоположения и важности этого города, делающих его основным портом Средиземноморья, в мои обязанности входит непрерывная переписка со многими королевскими коллегиями, почти со всеми консулами Его Величества и рядом других персон. Связи, в которые я вовлечен благодаря большому притоку людей в это место, постоянно множатся и требуют от меня значительных почтовых расходов, которые мне никак не возмещаются и не оплачиваются. Вашему Превосходительству известно, какое щедрое содержание Его Величество положил многим своим консулам, некоторые из которых находятся в портовых городах, требующих меньших представительских расходов и меньших затрат на почтовые отправления.

¹⁶ Письмо Шатобриану от 2 сентября 1823, которое приводит Алессия Замбон в: Ibid. P. 155.

Например, консул в Сете, насколько мне известно, имеет 200 или 250 риксдалеров наличными от щедрот короля. Однако налицо очень большая разница и в расходах, и в почтовых отправлениях, и даже в обязанностях между его местом и моим. Поэтому я смиреннейше прошу Ваше Превосходительство принять это обстоятельство во внимание и соблагovolить испросить для меня от щедрот Его Величества небольшое ежегодное вознаграждение в связи с тем, что я только что имел честь изложить. Этим Ваше Превосходительство даст мне доказательство, которое мне так необходимо, его готовности милостиво удостоить меня протекции. Я возлагаю на это все свои надежды и буду счастлив, если мне однажды представится случай доказать Вашему Превосходительству чувства уважения и признательности, которыми я преисполнен. Соблагovolите милостиво принять, Монсеньор, мои в них уверения. За сим остаюсь Вашим вечным смиреннейшим, покорнейшим и преданнейшим слугою»¹⁷.

Речь, однако, вовсе не идет о том, чтобы ставить знак равенства между Фовелем и Фёльшем. Первый явно скучает на своей должности, которая, во всяком случае на какое-то время, будет упразднена с его уходом. Он никогда не мечтал о консульской карьере. Изначально он был нанят как художник, и теперь хочет добиться признания как антиквар, чтобы получить разрешение на раскопки. Но именно здесь может оказаться полезной способность историка выявлять те способы самопрезентации, который исполь-

¹⁷ Riksarkivet (Stockholm). Diplomatica. Gallica 511. Письмо от 1 апреля 1785 г. графу Кройтцу. Подобная аргументация уже использовалась Фёльшем в его письме к Королевской торговой коллегии от 12 октября 1781 г. (там же, оригинал письма на шведском языке): «Консул Его Величества в Сете получает за переписку от 200 до 250 риксдалеров наличными в год, если я правильно осведомлен. Между тем переписка, которую приходится вести ему, не идет ни в какое сравнение с тем, что делаю я, причем безо всякого вознаграждения. С 1765 года – времени, начиная с которого мы с моим покойным отцом выполняем эти обязанности, издержки на почтовые расходы, а также на бедных и нуждающихся шведских и других моряков, доходят без преувеличения до 100-150 риксдалеров наличными в год и более, а возмещение этих расходов всецело зависит от доброй воли короля. С принятием этого нового установления второй пункт будет в будущем определен, а вот почтовые и первоначальные расходы по-прежнему остаются в благосклонном ведении сеньора барона и председателя почтеннейшей королевской коллегии. Поэтому я надеюсь, что благородный сеньор барон и председатель почтеннейшей королевской коллегии доложат обо мне Его Величеству, чтобы помочь мне либо оговорить для себя определенную сумму на почтовые расходы, либо разрешить мне посылать в конце каждого года запись расходов, а также получать векселя в счет моего вознаграждения от королевской коллегии по приказу Его Величества. Да простят мне милостивые государи мою настойчивость и да будут они уверены в том, что я не попрошу ничего сверх того, что мне причитается, в чем милостивые государи имели возможность убедиться».

зуют авторы письменных документов, как личных, так и иных, в том числе и в особенности тех, которые имеют форму исповеди. В самом деле, можно ли свести «рассказ о себе» Фовеля - а также Поля Эмиля Ботта (1802-1870), о котором речь пойдет дальше, - к следующей фабуле: назначенный на некий третьестепенный пост, консул имеет много свободного времени, у него есть свои способы проведения «досуга», и чтобы «с пользой» занять это время, он решает заняться раскопками, археологические перспективы которых столь же многообещающи, сколь неоднозначны их коммерческие и стратегические выгоды.

Взгляд с высоты сегодняшнего дня показывает, насколько распространённой является эта риторика «праздного» консула и как важно видеть за ней всего лишь позу, унаследованную от любителя старины XVIII века и являющуюся порой просто данью традиции. Приведем пример Жана Франсуа Паро, получившего широкую известность в 2000 г., когда им был создан персонаж Николя Ле Флока, комиссара при Шатле в Париже времен Людовика XV и Людовика XVI. Его исторические детективы были переведены на многие языки и даже экранизированы¹⁸. Выпускник Сорбонны, ученик Ролана Мунье, автор исследования о Париже XVIII в., Жан Франсуа Паро находился начиная с середины 1970-х гг. на дипломатической службе и сделал солидную карьеру: от вице-консула в Киншасе, а затем – генерального консула Франции в Сайгоне, до посла в республике Гвинея-Бисау в 2006-2010 гг. Именно в эти годы он публикует один за другим романы о приключениях своего комиссара, местом действия которых служит Париж эпохи Просвещения. В интервью газете «Монд» 14 июля 2014 г., вышедшем под заголовком «Жан Франсуа Паро: Преступления и придворные», этот профессиональный дипломат – каковым, заметим, не являлся Жан Клод Руфин в момент своего назначения в те же годы на пост посла Франции в Сенегале – признается в хорошо усвоенной им манере, унаследованной от любителей старины XVIII в.: «Я стал дипломатом практически случайно – меня, скорее, можно назвать дикой уткой»¹⁹. Он сообщает, что сделал такой выбор по

¹⁸ Николя Ле Флоку посвящен специальный Интернет-сайт (<http://www.nicolaslefloch.fr/>). А в одной диссертации по филологии он был даже взят в качестве объекта исследования: *Arizmendi P.* Nicolas Le Floch : le «Tableau de Paris» de Jean-François Parot. Perpignan, 2010. Жан Франсуа Паро при содействии Марион Годфруа выступает также в роли историка кулинарных вкусов своего вымышленного героя: *À la table de Nicolas le Floch.* P., 2015.

¹⁹ *Gautheret J.* Jean-François Parot : crimes et courtisans // *Le Monde.* 13.07.2009. [Элек-

совету вице-консула, при котором состоял в период прохождения военной службы по программе сотрудничества. Было это в Сенегале, в городе Сен-Луи. Случайность выбора не помешала ему, однако, продержаться на этом поприще в течение сорока лет и дослужиться до заместителя начальника Управления военного сотрудничества и обороны, непростые обязанности которого он исполнял с 2002 по 2006 год. Идея же создания Ле Флока пришла к нему, по его словам, во время работы в Софии, где у него было много свободного времени.

Вернемся теперь к нашим консулам рубежа XVIII и XIX веков. Если рассматривать их исповеди как точные свидетельства, не пытаясь выявлять в них эффекты самопрезентации, то это неизбежно приведет к тому, что мы будем, вслед за ними, противопоставлять малозначительность собственно консульской деятельности масштабности славных «антикварных» предприятий. А это значит, что, сами того не желая, мы начнем воспроизводить классическую оппозицию между *negotium* и *otium* (занятие, дело, работа / свободное время, досуг. – *Прим. пер.*), на которую обратил внимание Даниэль Рош, - с той разницей, что в данном случае именно незначительность коммерческой деятельности побуждала консула посвящать большую часть времени антикварному «хобби». Конечно, все это имеет место, но мне кажется, что исследования теряют существенные для понимания действий консулов-антикваров элементы, если в них слишком явно противопоставляются две стороны их жизни, которые на самом деле были тесно взаимосвязаны.

тронный ресурс]. Свободный доступ. URL: http://www.lemonde.fr/livres/article/2009/07/13/jean-francois-parot-crimes-et-courtisans_1218285_3260.html. То, как Жером Готре рисует портрет, столь же показательно, сколь и его суть. Этот непрофессионал – человек со вкусом и ценитель традиций: «Посольство Франции в Гвинее-Бисау не имеет ничего общего с крепостями Франции за рубежом. Это большое, современное, комфортабельное здание, недавно отремонтированное и расширенное, перекрашенное в белый цвет и окруженное тропическим садом. Хозяина дома зовут Жан Франсуа Паро. Ему 62 года. У него внушительная, но добродушная внешность. На нем белые льняные рубашка и брюки. С 2006 года он занимает пост посла Франции. Но, кроме того, он писатель, автор приключений Николая Ле Флока, комиссара королевской полиции в Париже эпохи Просвещения. Его романы (на сегодняшний день восемь, и все вышли в издательстве «JC Lattès», а затем - в карманном формате - в издательстве «10/18») имеют растущий успех: два сезона уже поставлены на телевидении и показаны каналом France 2, сейчас идут съемки третьего. Посол-романист... Сразу же на память приходит длинная череда писателей-дипломатов, оставивших после себя колоссальное литературное наследие, таких как Сен-Жон Перс, Поль Моран, Поль Клодель. Традиция не умерла: в данный момент во Франции насчитывается целых три писателя-посла. Помимо Жана Франсуа Паро есть еще Даниэль Рондо на Мальте и обладатель Гонкуровской премии Жан-Кристоф Руфин (*sic*) в Дакаре. Он продолжает эту традицию и даже признается, что сожалеет об эпохе “золотых перьев” с набережной Орсе».

Ведь нельзя же, в самом деле, отделять увлечение консулов древностями и их участие в научной жизни от остальных исполняемых ими обязанностей, ибо они имели средства и компетенции, позволявшие им участвовать в археологических раскопках и научных открытиях своего времени, именно потому, что занимали важный пост за границей, и конкретно - в странах Средиземноморья, а также потому, что их обязанности побуждали их вести активную светскую жизнь, поддерживать регулярную переписку и принимать посетителей из числа соотечественников - торговцев, капитанов кораблей, а также странствующих ученых и паломников. Их назначение в Средиземноморье, их отношения с местными властями, хорошее знание средств передвижения и местных посредников - все это не то чтобы предрасполагало к участию в раскопках, ибо некоторые консулы совершенно не интересовались древностями, но, во всяком случае, давало им решающее преимущество перед другими участниками событий. Необязательно являться выходцем из аристократической семьи и к тому же послом, как, например, Шуазель-Гуфье, чтобы быть «антикваром» и внести свой вклад в развитие ориенталистики²⁰. Как раз наоборот - работа под началом Шуазеля-Гуфье вконец измучила Фовеля в прямом и переносном смысле слова: «Освободившись из шуазелевского рабства, я больше туда не вернусь: да здравствует свобода! Умеренность во всем, за исключением любопытства. Меня трудно заставить работать на других»²¹.

В XVIII – начале XIX вв. умение разбираться в антиквариате, которое приобретал консул, было, конечно, любительским. И в этом он ничем не отличался от своих современников. Разумеется, у него не было таких финансовых возможностей, как у представителей аристократии, однако, живя в стране, он имел шанс, когда представлялся случай, скупать предметы искусства и антиквариат, причем на постоянной основе - в отличие от молодых аристократов, совершавших «Grand tour»²², приобретения которых были

²⁰ Le voyage en Grèce du comte de Choiseul-Gouffier / Sous dir. d'O. Cavalier. Avignon-Le Pontet, 2007 ; *Barbier F.* Le rêve grec de Monsieur de Choiseul. Les voyages d'un Européen des Lumières. P, 2010.

²¹ Письмо Фовеля к Кузинери от 5 июля 1797 г. цит. по: Zambon A. Aux origins de l'archéologie en Grèce. P. 34, note 41.

²² «Большое путешествие», или Гран-тур (фр. Grand Tour), — обозначение, принятое со времён Возрождения для обязательных поездок, которые в XVIII–XIX вв. совершали в образовательных целях сыновья европейских аристократов (а позднее — и отпрыски богатых буржуазных семей). — *Прим. пер.*

ограничены сроком их пребывания в стране. Неудивительно, что эти последние нередко оставляли консулам заказы на приобретение предметов искусства, для чего во время своего путешествия завязывали с ними отношения – более или менее долговременные – и поддерживали их с помощью переписки. Из любителя консул мог, при известных обстоятельствах, превратиться в коллекционера, но он *всегда* был информатором.

В своей переписке со Стокгольмом Франсуа Филип Фёльш упоминает, в частности, о наследстве, оставленном его коллегой Жаном Антуаном Филиппом де Молилари, консулом Швеции в Тунисе с 1765 до смерти в 1778 г.²³ Опасаясь его разбазаривания вдовой умершего, Фёльш поясняет, что «наследственное имущество состоит из 8 330 французских ливров 14 су, перешедших от братьев Парро - почтенных и зажиточных торговцев из этого города, а также из ценных вещей, таких как украшения, медали, книги, редкие и древние гравюры, стоимость которых очень трудно указать, но которые можно оценить, самое большее, в тридцать тысяч ливров, если бы нашлись любители, которые захотели бы купить эти предметы из чистого любопытства»²⁴. В тот же период, там же, в Марселе, консулом австрийских Габсбургов и Великого герцогства Тосканского был не кто иной как Жан Жак Кик²⁵, также представитель консульской династии в Марселе, действовавшей там в XVIII-XIX вв. Он был тесно связан с лучшими европейскими торговыми домами²⁶, в частности - со швейцарским. Резиденция Кика, который, как и Фёльш, был франкмасоном, помещалась прямо над колоннами знаменитого марсельского Сен-Жан д'Экосс²⁷, по соседству со многими другими консулами²⁸. Он был признан-

²³ Заслуживает внимания издание переписки Молилари, осуществленное Мехди Жерадом: *Jerad M. La correspondance de Jean Antoine Molinari, consul suédois à Tunis, 1764-1778*, Tunis, 2015.

²⁴ Riksarkivet (Stockholm). *Diplomatica. Gallica 511*. Письмо от 22 июля 1782 г.

²⁵ *Almanach royal. Année 1783*. Orléans : D'Houry, « consuls des nations étrangères ». P. 265.

²⁶ См., например: *Szramkiewicz R. Les régents et censeurs de la Banque de France nommés sous le Consulat et l'Empire*. Genève, 1974. P. 245-246.

²⁷ Сен-Жан д'Экосс (Saint-Jean d'Écosse de Marseille) – самая престижная масонская ложа, в которую в XVIII в. входили многие представители крупной европейской торговли. Ее влияние распространялось на весь средиземноморский бассейн, а многочисленные дочерние ложи создавались даже во французских колониях. Принадлежавший ей храм на углу улицы Крюдер и современного бульвара Жюльен в Марселе имел славу одного из самых богато украшенных масонских храмов в мире – *Прим. пер.*

²⁸ *Beaurepaire P.-Y. Saint-Jean d'Écosse de Marseille. Une puissance maçonnique méditerranéenne aux ambitions Européennes // Cahiers de la Méditerranée*. 2006. № 72. P. 61-95.

ным знатоком искусства, что делало его незаменимым участником местной академической жизни наравне с его «братом» Гийомом де Полем, наместником сенешаля²⁹.

В отличие от них Фёльш, судя по всему, не был тонким ценителем прекрасного и не питал особого пристрастия к коллекционированию, хотя трудно себе представить процветающего негодья, и к тому же консула, у которого бы в доме не было картин или гравюр. Но когда начальство поручало ему приобрести подобный экзотический товар для шведского двора, он умел и прицениться, и навести необходимые справки у знающих людей. Эта способность собирать качественную информацию не ограничивалась, таким образом, дипломатической, политической, военной и коммерческой сферами; она также распространялась на область культурного наследия, предметов роскоши и произведений искусства для частных коллекций. То же самое можно сказать и об американском консуле в Ливорно Томасе Эпплтонне, который в числе прочих многочисленных государственных и частных заказов, поступавших от Томаса Джефферсона, получил заказ на статую Джорджа Вашингтона работы Антонио Кановы, а также на бюсты того же Вашингтона работы Джузеппе Черакки³⁰.

В зависимости от уровня компетентности и особенно от личных пристрастий некоторые консулы смогли пойти намного дальше выполнения подобных эпизодических поручений или составления чьих-то личных коллекций и стали настоящими экспертами, сумев мобилизовать наличные ресурсы для проведения уникальных для того времени археологических раскопок. Однако мы видим, что речь идет не столько о противопоставлении одних другим, сколько об участии различной степени интенсивности, зависевшей как от личных склонностей, так и от ситуации, средств и способностей.

²⁹ Ему была посвящена выставка, по итогам которой был издан каталог: Guillaume de Paul : 1738-1793 : un collectionneur marseillais au siècle des lumières / Musée des Beaux-arts. Marseille. 15 octobre 1993 – 30 janvier 1994. Coordonné par Anne Jouve.

³⁰ Fehl Ph. The Account Book of Thomas Appleton of Livorno: A Document in the History of American Art, 1802-1825 // Winterthur Portfolio. 1974. Vol. 9. P. 123-151. Я благодарен Сильвии Мадзагалли за то, что она указала мне это издание. Для полноты картины см. также: *Beaurepaire P.-Y.* Pour une approche historique de la diplomatie culturelle et artistique au siècle des Lumières. Готовится к изданию в составе материалов международной конференции памяти Жана Нере Ронфора «Заказы европейских правящих дворов, 1650-1800» (Commandes Princières Européennes, 1650-1800), проходившей 27-28 сентября 2012 г. в парижском Малом дворце.

**От Александрии до Мосула:
консулы традиционно и антиквары, и ученые**

В то время, когда Фовель получил назначение на должность вице-консула в Афинах, пост консула в Александрии занимал Бернардино Дроветти (1776-1852). Этот ветеран Египетской кампании с давних пор вызывал интерес у историков, занимавшихся франко-английским соперничеством в Египте, где тесно переплелись геополитические интересы и рождение современной египтологии. Отражением этого соперничества стали противоречия между Дроветти и английским генеральным консулом Генри Солтом (1780-1827). Оба были страстными любителями египетских древностей и ревностными собирателями богатых коллекций³¹. Коллекцию Дроветти в эпоху Реставрации тщетно предлагали купить Людовика XVIII. В результате, в 1824 г. ее приобрел король Пьемонта и Сардинии, и сегодня она находится в Турине: это более пяти тысяч предметов. Часть шедевров из второй коллекции хранится в Британском музее. Именно в первой находился написанный иератическим письмом Туринский царский папирус, развернуть который выпала честь Жану Франсуа Шампольону, путешествовавшему по Европе в поисках египетских надписей. А в Ливорно он вел переговоры о приобретении новой коллекции египетских древностей, составленной Генри Солтом между 1819 и 1824 гг.

Во французском переводе книги итальянского археолога Джованни Бельцони, работавшего вместе с Солтом, противостояние двух консулов-антикваров описано слишком художественно и предвзято. Эта книга под названием «Путешествия в Египет и Нубию, содержащие рассказ об археологических раскопках и открытиях, сделанных в пирамидах, храмах, руинах и гробницах» вышла в свет в 1821 г.³² Не задерживаясь долее на Дроветти, мы

³¹ «Джордж Глайдон (1809-1857), вице-консул США и торговец в Александрии, полагал, что Солта больше занимали «его литературные труды, поэзия и живописные зарисовки» или же соперничество с французским консулом Дроветти «за захоронение мумии или же за идола, нежели чем за монополии Мехмета Али (Мухаммеда Али)». – *Ferry de Goey. Consuls and the Institutions of Global Capitalism, 1783-1914. Perspectives in Economics and Social History. Number 34. L., 2014. P. 40.* Спасибо Сильвии Мардзагалли за то, что она посоветовала мне эту книгу.

³² Работа вышла на английском языке: *Narrative of the operations and recent discoveries within the pyramids, temples, tombs, and excavations, in Egypt and Nubia, and of a journey to the coast of the Red Sea, in search of the ancient Berenice. L. 1821. 2 vol.* Из вышедшего в том же году французского перевода франкоязычные читатели могут почерпнуть немало интересного – как о сокровищах Фив, так и о вовлеченности консулов в соперничество между

отсылаем читателя к публикации переписки, которую он вел в бытность консулом в Александрии, а также к посвященной ему статье Жерара Гальтье в журнале «Средиземноморские исследования» за 2006 г.³³, с тем чтобы сосредоточить внимание на том, кто сменил Дроветти на посту консула спустя тридцать лет после его назначения - Поле Эмиле Ботта, также выходец из Пьемонта, сыне историка Карло Джузеппе Гульельмо Ботта. И хотя он не так известен, как Дроветти, его «антикварная» деятельность отнюдь не менее замечательна.

Свойственный Ботта дух искателя приключений проявился еще в 1826 г., когда он в качестве хирурга отправился в кругосветное путешествие на корабле «Герой» под командованием Огюста Бернара Дюо-Сийи. Из этого путешествия он привез страсть к естественной истории, этнографии и языкам, с которой не расставался уже никогда. Он собирает ценные сведения о флоре и фауне Калифорнии и островов Тихого океана, составляет франко-гавайский словарь, а по возвращении публикует в «Новых анналах путешествия» две статьи: «Наблюдения за жителями Сандвичевых островов» и «Различные наблюдения, сделанные в море»³⁴. Став лечащим врачом Мухаммеда Али, он в 1830 г. переезжает в Каир, где в тот момент происходит бурный процесс модернизации (достаточно хорошо описанный в литературе), который привлек в Египет инженеров сен-симонистов. Дружба Мухаммеда Али была выгодна и Ботта, и Дроветти. Три года спустя Ботта становится консулом в Александрии, не отказываясь при этом от своего призвания ученого-исследователя. Именно поэтому Музей естественной истории поручает ему организовать экспедицию на Красное море и в Счастливую Аравию, то есть в Йемен, отчет о которой будет опубликован в «Бюллетене Географического общества» за 1839 г.³⁵ К египетским древностям его приобщил Дроветти, однако

странами за доступ к культурному наследию и о том, какие крайние формы оно принимало. См., в частности: *Belzoni G.B. Voyages en Égypte et en Nubie, contenant le récit des recherches et découvertes archéologiques faites dans les pyramides, temples, ruines et tombes de ces pays, suivi d'un voyage sur la côte de la mer Rouge et à l'oasis de Jupiter Ammon par G. Belzoni, traduits de l'anglais et accompagnés de notes par George Bernard Depping. P., 1821. Vol. II. P. 103 sqq.*

³³ *Lettres de Bernardino Drovetti, consul de France à Alexandrie (1803-1830) / présentées et commentées par S. Guichard. P. 2003 ; Galtier G. La société secrète égyptienne de B. Drovetti // Cahiers de la Méditerranée. 2006. № 72. P. 285-305.*

³⁴ *Botta P.-E. «Observations sur les habitants de l'île Sandwich» et «Observations diverses faites en mer» // Nouvelles annales du voyage. 1831. T. 32. P. 129-176.*

³⁵ *Botta P.-E. Extrait d'une exploration au mont Saber dans l'Arabie méridionale // Bulletin de la Société de géographie. 1839. P. 369-381.*

именно Ботта сыграл важнейшую роль в становлении ассириологии как научной дисциплины, что было связано с его назначением в Мосул в 1842 г. Уже весной 1843 г. он затевает ставшие впоследствии знаменитыми раскопки в Хорсабаде³⁶. Обнаружив надписи, сделанные клинописью, на тот момент еще не расшифрованной, он был убежден, что открыл древнюю Ниневию. Его переписка с секретарем парижского Азиатского общества Жюлем Модем позволяет французским ориенталистам осознать истинные масштабы открытий, сделанных Ботта всего за несколько недель, но в то же время свидетельствует о трудностях, с которыми ему приходилось сталкиваться в отношениях с местными властями несмотря на занимаемую должность. На него даже несколько раз подавали в суд. С 1843 по 1845 гг. письма Ботта публиковались в «Азиатском дневнике», а затем были переизданы Жюлем Модем для менее искушенной публики. Сборник был отпечатан в Королевской типографии в 1845 г.³⁷ Несколько лет тому назад в «Журнале ассириологии и восточной археологии» вышла научная статья Элеаноры Гуральник, посвященная этим письмам, что лишний раз доказывает их непреходящий интерес³⁸.

Как и в случае с греческими и египетскими древностями на рубеже XVIII – XIX вв., эти находки дали старт настоящей гонке со временем – и это при том, что тайны аккадского языка на тот момент еще не получили своей разгадки! Ввиду значимости сделанных поистине эпохальных открытий (если оставить за скобками непростые отношения с местными властями) в эту гонку включились не только крупнейшие научные и музейные учреждения Европы, но и сами европейские державы. И здесь выходят на первый план именно консульские обязанности, будь то Фовеля - в Афинах, Дроветти и Ботта - в Александрии, или последнего - в Мосуле. Фовель выступает против лорда Элджина не только потому, что тот поощряет разграбление афинского акрополя с разрешения оттоманских властей: «Элджин вывез бы все, если бы маршал Брюн, которого я известил о творящемся вандализме³⁹, не получил при-

³⁶ Chevalier N. L'Activité archéologique des consuls de France au XIXe siècle en Assyrie // Khorsabad, le palais de Sargon II, roi d'Assyrie : Actes du colloque du Musée du Louvre. 21-22 janv. 1994. / Sous dir. d'A. Caubet. P., 1995. P. 79-105.

³⁷ Lettres de M. Botta sur ses découvertes à Khorsabad...

³⁸ Guralnick E. New drawings of Khorsabad sculptures by Paul Émile Botta // Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. Vol. 95. 1/2002. P. 23-56.

³⁹ Хорошо известна сила этого неологизма, выкованного в период Революции.

каза, заставившего его остановиться. То небольшое, что осталось от скульптуры, дело рук этого посла»⁴⁰. Лорд Элджин, оказавшийся в центре политического скандала между Соединенным королевством и Грецией, был ни много ни мало послом Лондона в Порте, и вице-консул Фовель прекрасно понимал, что, хотя он и является официальным представителем в Афинах, его ранг не позволяет ему бороться с могущественным английским соперником. В своем письме он представляет сложившуюся ситуацию в контексте дипломатических усилий и соотношения сил: «Мы слишком слабы, чтобы надеяться навредить им [англичанам], и особенно – чтобы присвоить себе плоды их грабежей. Увы, мы не сможем получить ничего из того, что у нас было отобрано <...> С нами не считаются, и нужна ловкость для того, чтобы не выглядеть такими слабыми, какие мы есть на самом деле. Затаиться и ждать более удачного момента. Если русские с нами порвут, этот момент отодвинется еще дальше...»⁴¹.

Что касается соперничества между Дроветти и Солтом, то его следует рассматривать в контексте франко-британского противостояния в Египте и на Ближнем Востоке, растянувшегося от экспедиции Бонапарта до конца XIX в., когда обострились колониальные противоречия. Символом этого противостояния стали притязания на Розеттский камень и история его расшифровки⁴².

В качестве преемника Дроветти на посту консула в Александрии, а затем - консула в Мосуле, Ботта прекрасно отдавал себе отчет в том, что данная проблематика выходит далеко за рамки собственно древних находок и, в частности, формирующейся ассириологии. Публикация его писем к Моллю является для любознательных читателей, а также для ориенталистов и любителей древностей по всему миру, как бы прообразом того большого труда, который он издает начиная с 1849 г. совместно с Эженом Фланденом. Как художник, последний делал рисунки археологических находок и чертежи планов раскопов. Название этой публикации, растянувшейся до 1850 года, не оставляет сомнений ни в отношении места прове-

⁴⁰ Цит. по: *Zambon A. Aux origines de l'archéologie en Grèce. P. 40.*

⁴¹ Письмо к Алье де Отрошу от 16 августа 1804 г., которое приводит Замбон. См.: *Ibid. P. 40.*

⁴² Недавно имущественные, культурные и политические аспекты этого конфликта были обобщены в работе Бенедикта Савуа: *Savoie B. Objet d'observation et d'intelligence'. La pierre de Rosette entre Londres et Paris // Les Mondes coloniaux à Paris au XVIIIe siècle : circulation et enchevêtrement des savoirs / Ed. A. Bandau, M. Dorigny, R. von Mallinckrodt. P., 2010. P. 75-96.*

дения раскопок, ни в отношении их политического значения: «Памятники Ниневии, открытые и описанные П.Э. Ботта; обмеры и зарисовки М.Э. Фландена. Работа опубликована по распоряжению правительства, под эгидой г-на Министра внутренних дел и под руководством комиссии Института». Том первый посвящен архитектуре и скульптуре⁴³.

В то время как Фланден занимался съемкой местности, консул Ботта прослал мастером копирования клинописных надписей:

Я озаботился тем, чтобы всякий раз, когда это было возможно, делать бумажные оттиски. Эти оттиски, такие же четкие, как оригиналы, использовались мною для сличения копий в Париже и для исправления ранее сделанных отпечатков. Таким способом было сверено сто тридцать пять надписей <...>. Несомненно, прошедшие сверку надписи <...> более надежны для научного изучения <...>. В Хорсабаде я так освоился с ассирийской клинописью, что могу гарантировать абсолютную точность моей работы <...>. Мне могут заметить, что многие надписи содержат один и тот же текст. Полагаю все же, что я немало сделал для науки, взяв на себя труд все скопировать и велел вырезать все надписи. А что до идентичных надписей, может быть, не столь интересных - тогда, когда мы будем в состоянии их прочесть, то именно они наиболее полезны для изучения и именно они способны облегчить попытки расшифровки. Ведь с их помощью мы узнаем эквиваленты различных знаков, пределы, в которых те могут варьироваться, а поскольку не все они имеют одинаковую разметку, то концовки строк, каждый раз разные, дают способ разделить слова и, таким образом, снять одну из самых больших трудностей, препятствующих толкованию ассирийских текстов⁴⁴.

Эти надписи послужили материалом для двух последних томов, третьего и четвертого, «Памятников Ниневии». С тех пор постижение клинописи европейскими учеными пошло гораздо быстрее. Об этом, в частности, писал крупный ассириолог Жан Боттеро⁴⁵, а

⁴³ Репродукции доступны в цифровом формате: The New York Public Library. Digital collections. [Электронный ресурс]. Свободный доступ. URL: http://digitalcollections.nypl.org/search/index?filters%5BnamePart_mtxt_s%5D%5B%5D=Botta%2C+Paul+Emile&keywords=&sort=mainTitle_ns+asc.

⁴⁴ Цит. по: *Caubet A.* Paul-Emile Botta : Dictionnaire critique des historiens d'art // Institut national d'histoire de l'art. [Электронный ресурс]. Свободный доступ. URL: <http://www.inha.fr/fr/ressources/publications/publications-numeriques/dictionnaire-critique-des-historiens-de-l-art/botta-paul-emile.html>.

⁴⁵ Из замечательных трудов знаменитого ассириолога, уроженца департамента Приморские Альпы Жана Боттеро можно порекомендовать, например, вот эту книгу: *Bottéro J.*

совсем недавно популярно рассказал в своей замечательной передаче «На плечах Дарвина» профессор иммунологии, председатель национального комитета по этике Жан Клод Амейзен⁴⁶. Развитие науки позволило показать, что Ботта открыл не Ниневию, а дворец царя Саргона II в Дур-Шаррукине. Древняя Ниневия, расположенная напротив Мосула, на другой стороне Тигра, была обнаружена и раскопана британцем Генри Лейардом (1817-1894) в 1847 г. В то же время, что и Ботта, он опубликовал собственную книгу под названием «Ниневия и ее реликвии: отчет о поездке к ассирийцам и езидам и исследование обычаев и искусства древних ассирийцев». Как и в случае с Джованни Бельцони, Лейарду был оказан в Лондоне поистине триумфальный прием. Ему приписывается открытие библиотеки царя Ашшурбанипала (около 668-627 до н.э.), самой большой библиотеки древности, по сей день являющейся предметом гордости отдела ассириологии Британского музея⁴⁷. И здесь тоже пересеклись между собой археология, политика и дипломатия. В результате революций 1848 г. политический вес Ботта в глазах новых французских властей заметно снизился, и он был назначен сначала в Иерусалим, в 1848 г., а затем в ливийский Триполи, в 1855 г., что окончательно развязало руки британцам на берегах Тигра. Однако осознав сложившуюся ситуацию, руководство Академии надписей и изящной словесности добилось от властей Второй империи назначения в Мосул нового французского консула. Им стал Виктор Плас, чей талант рисовальщика был незамечен для возобновления исследований, начатых Полем Эмилем Ботта⁴⁸.

В завершение этой статьи следует отметить, что размышления, на которые наводят описанные выше пересечения консульских и «антикварных» траекторий, свидетельствуют о значительном интересе и научном потенциале, которые может иметь систематическое изучение антикварных предприятий французских - и шире - европейских консулов XVIII – начала XIX веков. Здесь открывается хорошая площадка для исследований по линии новой дипломатической истории, которая часто обращается к теме зарождения куль-

Mésopotamie. L'écriture, la raison et les dieux. P., 1987.

⁴⁶ Ameisen J.-C. La quête de la vie sans fin // Sur les épaules de Darwin. [Электронный ресурс]. Свободный доступ. URL: <https://www.franceinter.fr/emissions/sur-les-epaules-de-darwin/sur-les-epaules-de-darwin-30-juillet-2016>.

⁴⁷ А для ассириолога Ирвинга Финкеля она является еще и «золотым дном»: *Finkel I. L'Arche avant Noé. Les origines de l'histoire du déluge déchiffrées*. P., 2015.

⁴⁸ *Chevalier N. Victor Place : consul et archéologue // De Khorsabad à Paris : la découverte des Assyriens / E. Fontan et N. Chevalier (éd.)*. P., 1994. P. 94-101.

турной дипломатии и культурного империализма⁴⁹, - исследований, которые могли бы опереться на наше знание истории различных консульских корпусов, а взамен способствовали бы более точному описанию широкого спектра проявлений их деловой активности.

*Перевела с французского языка
Ю.В.Ткаченко, доцент РГГУ*

Список литературы

- À la table de Nicolas le Floch. P., 2015.
Almanach royal. Année 1783.
Ameisen J.-C. La quête de la vie sans fin // Sur les épaules de Darwin.
URL: <https://www.franceinter.fr/emissions/sur-les-epaules-de-darwin/sur-les-epaules-de-darwin-30-juillet-2016>.
Arizmendi P. Nicolas Le Floch : le « Tableau de Paris » de Jean-François Parot. Perpignan, 2010.
Barbier F. Le rêve grec de Monsieur de Choiseul. Les voyages d'un Européen des Lumières. P., 2010.
Beaurepaire P.-Y. Pour une approche historique de la diplomatie culturelle et artistique au siècle des Lumières. A paraître.
Beaurepaire P.-Y. Saint-Jean d'Ecosse de Marseille. Une puissance maçonnique méditerranéenne aux ambitions Européennes // Cahiers de la Méditerranée. 2006. № 72.
Botta P.-E. « Observations sur les habitants de l'île Sandwich » et « Observations diverses faites en mer » // Nouvelles annales du voyage. 1831. T. XXXII. P. 129-176.
Botta P.-E. Extrait d'une exploration au mont Saber dans l'Arabie méridionale // Bulletin de la Société de géographie. 1839. P. 369-381.
Bottéro J. Mésopotamie. L'écriture, la raison et les dieux. P., 1987.
Caubet A. Paul-Émile Botta : Dictionnaire critique des historiens d'art // Institut national d'histoire de l'art. URL: <http://www.inha.fr/fr/ressources/publications/publications-numeriques/dictionnaire-critique-des-historiens-de-l-art/botta-paul-emile.html>.
Chevalier N. L'Activité archéologique des consuls de France au XIXe siècle en Assyrie // Khorsabad, le palais de Sargon II, roi d'Assyrie : Actes du colloque du Musée du Louvre. 21-22 janv. 1994. / Sous dir. d'A. Caubet. P., 1995. P. 79-105.

⁴⁹ Размышления о французском культурном империализме нашли свое отражение в работе Рауля Марковица, основанной на его докторской диссертации: *Markovits R.* Civiliser l'Europe. Politiques du théâtre français au XVIIIe siècle. P., 2014.

- Chevalier N.* Victor Place : consul et archéologue // De Khorsabad à Paris : la découverte des Assyriens / E. Fontan et N. Chevalier (éd.). P., 1994. P. 94-101.
- Fehl Ph.* The Account Book of Thomas Appleton of Livorno: A Document in the History of American Art, 1802-1825 // Winterthur Portfolio. 1974. Vol. 9. P. 123-151.
- Ferry de Goey.* Consuls and the Institutions of Global Capitalism, 1783-1914. Perspectives in Economics and Social History. Number 34. L., 2014.
- Finkel I.* L'Arche avant Noé. Les origines de l'histoire du déluge déchiffrées. P., 2015.
- Galtier G.* La société secrète égyptienne de B. Drovetti // Cahiers de la Méditerranée. 2006. № 72. P. 285-305.
- Gautheret J.* Jean-François Parot : crimes et courtisans // Le Monde. 13.07.2009. URL: http://www.lemonde.fr/livres/article/2009/07/13/jean-francois-parot-crimes-et-courtisans_1218285_3260.html.
- Guillaume de Paul : 1738-1793 : un collectionneur marseillais au siècle des lumières / Musée des Beaux-arts. Marseille. 15 octobre 1993 – 30 janvier 1994. Coordonné par Anne Jouve.
- Guralnick E.* New drawings of Khorsabad sculptures by Paul Émile Botta // Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. Vol. 95. 1/2002. P. 23-56.
- Jerad M.* La correspondance de Jean Antoine Molinari, consul suédois à Tunis, 1764-1778. Tunis, 2015.
- Le voyage en Grèce du comte de Choiseul-Gouffier / Sous dir. d'O. Cavalier. Avignon-Le Pontet, 2007.
- Lettres de Bernardino Drovetti, consul de France à Alexandrie (1803-1830) / présentées et commentées par S. Guichard. P., 2003.
- Lettres de M. Botta sur ses découvertes à Khorsabad près de Ninive publiées par M. J. Mohl, membre de l'Institut / Préface de Jules Mohl. P., MDCCCXLV.
- Markovits R.* Civiliser l'Europe. Politiques du théâtre français au XVIIIe siècle. P., 2014.
- Meyer A.-D.* Service consulaire et archéologie // Consuls et services consulaires au XIXe siècle. Consulship in the 19th Century. Die Welt der Konsulate im 19. Jahrhundert / Ulbert J., Prijac L. (dir./Hg./eds). Hamburg, 2010.
- Narrative of the operations and recent discoveries within the pyramids, temples, tombs, and excavations, in Egypt and Nubia, and of a

- journey to the coast of the Red Sea, in search of the ancient Berenice. L. 1821. 2 vol.
- Riksarkivet (Stockholm). *Diplomatica Gallica* 511.
- Rufin J.-Ch.* L'Abyssin. Relation des extraordinaires voyages de Jean-Baptiste Poncet, ambassadeur du Négus auprès de Sa Majesté Louis XIV. P., 1997 [Folio].
- Savoy B.* 'Objet d'observation et d'intelligence'. La pierre de Rosette entre Londres et Paris // *Les Mondes coloniaux à Paris au XVIIIe siècle : circulation et enchevêtrement des savoirs* / Bandau A., Dorigny M., Mallinckrodt, von, R. (éd.). P., 2010. P. 75-96.
- Szramkiewicz R.* Les régents et censeurs de la Banque de France nommés sous le Consulat et l'Empire. Genève, 1974.
- The New York Public Library. Digital collections. URL: http://digitalcollections.nypl.org/search/index?filters%5BnamePart_mtxt_s%5D%5B%5D=Botta%2C+Paul+Emile&keywords=&sort=mainTitle_ns+asc.
- Un consul suédois en Méditerranée. La correspondance de François Philip Fölsch, consul à Marseille (1780-1804) / Sous dir. de Beaurepaire P.-Y., Fryksén G., Marzagalli S., Thomasson F. Paris : Classiques Garnier, Les Méditerranées. A paraître en 2017.
- Zambon A.* Aux origines de l'archéologie en Grèce. Fauvel et sa méthode. P., 2014.
- Zambon A.* Louis François Sébastien Fauvel, le consul antiquaire (1753-1838) // *Consuls et services consulaires au XIXe siècle...*

Pierre-Yves Beaurepaire

**THE «LEISURE» ANTIQUES OF THE FRENCH CONSULS
IN THE MEDITERRANEAN**

The author of the article analyzes the activities of the French consuls in the Mediterranean countries of the 19th century concerning the study of the historical heritage of the disappeared civilizations of the Ancient epochs. Possessing certain prosperity and leisure, the French diplomats devoted their free time to the collection of antiquities and historical researches, becoming the initiators of the archaeological study of ancient monuments in several countries of the region. The author pays special attention to the scientific and collector's activities of Louis François Sébastien Fauvel and Paul-Emile Botta, who made an important contribution to the study of Ancient Greece and Ancient Assyria, respectively.

Keywords: France, Mediterranean, History of Diplomacy, Ancient Middle East, Assyriology, Archeology